

О
Б
Щ
А
Я

Т
Е
Т
Р
А
Д
Ь

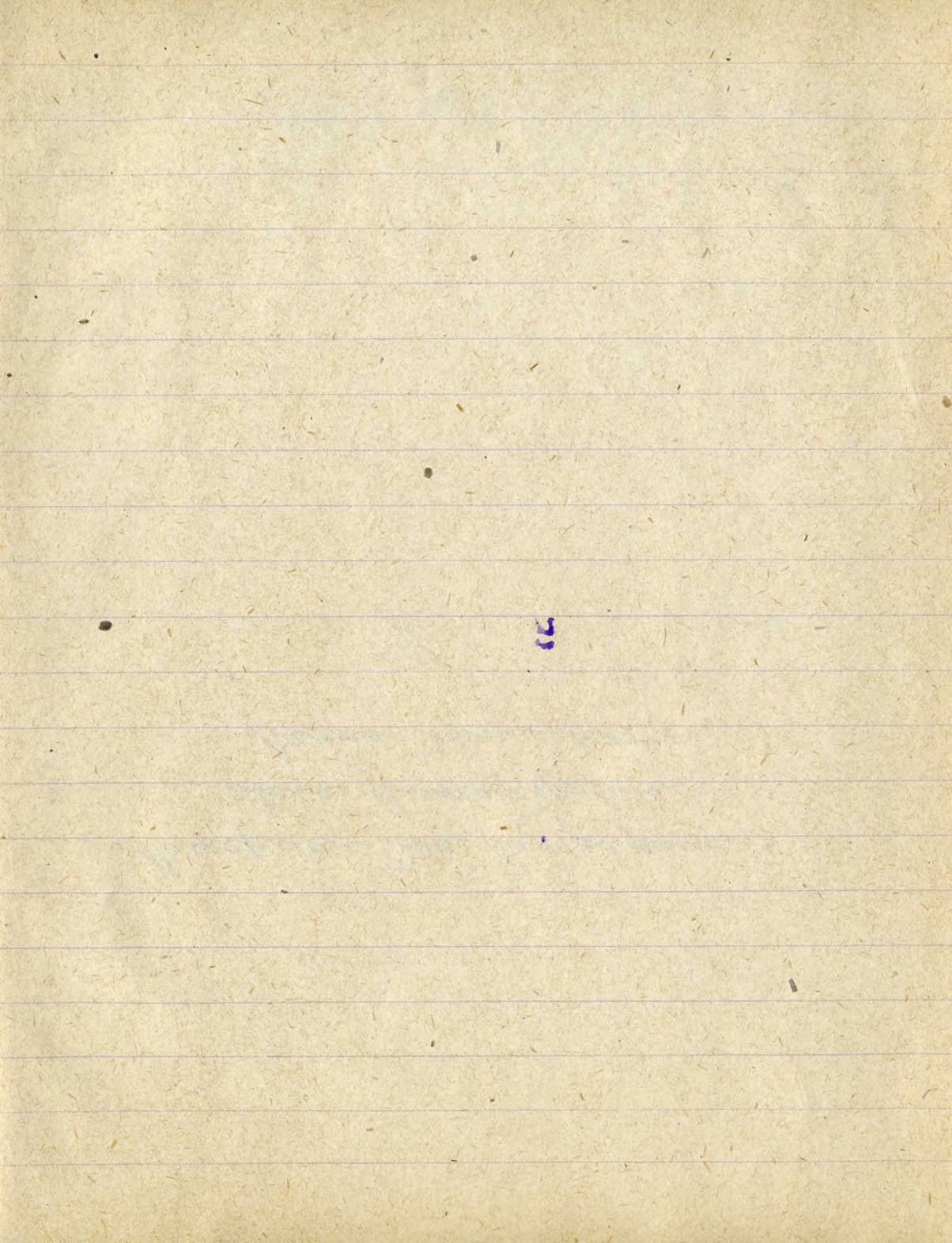

S. D. Nannu-Damuelson

B.O. 6 Aug., 1. 5, Kb. 4.

Материал для Биографии
Шана Александровича
Липпо-Данилевского

II

1928г.

зывается - мозгом. (Менярь, ввиду с метадифференциальными подтемами, Бунта Т получила важные значения, а я ею пользовался раньше, как обычно.)

Вчера настолько разволновался своей работой, что до 3-х часов ночи не мог заснуть. Сильно мешало сердце и кашлем. Вообще, видимо начинаются "запой" (работой). Да и Бог, чтобы он прогнал кельуар до конца.

Мое писание подвигается хорошо. К сожалению, опять испортился сон - долго не могу заснуть вечером и рано встаю.

Я стараюсь не поддаваться минутному настроению, адекватному с приближением сроков. Жаловаться на то, что работа идет плохо, было бы несправедливо, так

1928г.

194

как сделано и выдвинуто за последние десять дней моего пребывания здесь очень много. Я уже доказал целый характер функций, очень близких к истинным и теперь остаётся в существенном один последний этап. Я сижу над этим этапом полтора дня и пока безрезультатно. Очень боюсь, что это меня задержит. Самое неприятное — это фроки, которые висят над головой. Не буди этих фрок, волноваться совсем было бы не стоило.

Сегодня я решил проверить все самые добросовестные вычисления и, чтобы на чемнибудь остановиться, взял $m=2$. Оказалось, что все мои математические мечты, которые бродили у меня в голове в Феодосии (помнишь, я тысячу тебе?) подтвердились полностью. Случайно?

1928г. тай кокого угодно т никакой принци-
 тальной разницы не представляет
 и, таким образом, нужно теперь
 только упростить поскорее. Самые
 непродуманные дни были 18-20, когда
 в Бюродел в поисках сокращенных
 путей.

Вчера заснул около 4-х часов ут-
 ра: не удалось раскрыть и написать
 полученные вечером результаты,
 но, к счастью, ничего не вышло из
 ве, что я писал вчера, осталось в
 силе.

Я трясся, наконец, последнюю
 вещь, которая была до сих пор для
 меня в некотором тумане. Это
 роль бесконечно удаленной точки
 в моей разложимости. Теперь роди-
 лись в дополнении к $V_1, V_2, \dots, V_m$ $W_1, \dots,$
 W_m еще V_∞ и W_∞ и все это по порядку.
 но.

1928₂.

196

Вычисления идут медленно,
голова устала, боюсь, что не кончу
к сроку!

До 29го я не успею переписать
мемуар для Вл. Ш. и передать ему.
Придется из Москвы возвращаться ско-
да. Вл. Ш. категорически воспроти-
вился, чтобы я назвал доклад на кон-
грессе "Résolution algorithmique
des problèmes de Poincaré et de Pie-
tann," находил, что решения задач
Poincaré и Pictann'a суть только
отдельные плоды построенной
уже общей аналитической теории
дифференциальных уравнений, которая
дает в сумме гораздо больше, чем
решение этой задачи. Тем не менее
доклад на конгрессе озаглавить так:
"Analyse de la connexion d'intégrales
et de groupes de systèmes d'équations
différentielles linéaires aux coeffi-

19282. ents de ces systemes."

На этой неделе нужно представит в университет аспирантский отчет. В этом году это фрезтайно просто. Я ограничусь указанным заглавием четырем листам, четырем меморандов и тремя докладами.

Все последние дни я был занят меморандом и подготовкой к докладу, почти не спал. Завтра в 2 1/2 часа буду у Вл. Ш., говорить о меморанде и докладе. Отдать придется просить отсрочку на две недели.

Уже несколько дней не писал тебе письмо, ибо был в полуспящем состоянии в связи с окончанием меморандара и докладом в Москве. Доклад готов, Вл. Ш. вчера одобрил его по всем пунктам. Теоретически говоря, доклад этот

1928г.

Должен произвести гораздо большее впечатление, чем предыдущий доклад здесь 17. XII. 27. Флетчер изложил, всё рассуждение покоится на внутренней сущности вещей и в значительной мере возвращает эту сущность. По мнению Вл. Ш. это гораздо важнее, чем решение задач Тойнсона и Вейсманна - решение указанных задач получается в виде деталей общей теории. Кроме того, в докладе, правда весьма кратко, будут упомянуты результаты для уравнений с произвольными рациональными коэффициентами (генеральная теорема) В связи с изложением в ходе рассуждений, пришлось пририсовать еще 13 новых таблиц. Л. делал это вчера самостоятельно и сидел с 7 часов вечера до 3-х часов ночи. Вчера же дал аспирантский

1928г.

ответ Вл. Ш. Я переписал все мои
 поздравления мои уже напечатанные
 и принятые и почти все. По-
 ларало, что это для одного года не
 много. Итак сегодня в 9.30м, вме-
 сте с женой Л., выехали в Москву.
 Сдачу межуара Вл. Ш. отложил до
 11 июня и, кажется, это уже послед-
 ний максимальный срок. Л. демон-
 стрировал Вл. Ш. все результаты
 последних дней и он несколько раз
 сказал свое "прекрасно". К сожалению,
 все таки еще не всё. В конце ос-
 тались небольшие "газеты", которые
 придется обдумать, лишь бы хватил
 до сил. Сделаю пока до 10⁰⁰ июня
 из теоретического "газета", указан-
 ного выше, очень много этого тех-
 нической работы. — "The Old Bridge"
 Лоска повидимому принятая кни-
 га, как впрочем и поэзия все

19289.

произведения Локя́. (Я только
это удосужился читать ее). Мне
очень понравилась сентенция о ки-
но: "на экране одноцветные тени
людей исполняют свои бедные и
петлистые кривляния." (Ш. В. не
любил кино)

Москва. Через два часа заседание
Математического Общества и пер-
вый мой доклад.

Я не в восторге от вчерашнего
выступления. Было много народа
(человек 40), но из действительных
классифицированных математиков
только несколько. Гражданский ма-
териал пришел в свои кат в 45
минут, чтобы оставить время
другим. Один из математиков
делал несколько деловых и вст-
на сочувственных замечаний.
Особенно понравилась ему иррагу-

1928г.

адриана задача Вейсбаха (четвершая
ноша) Остаившие безпомощными.
Получил отписки из Московского
Математического Общества. Вышел
хороший мажор.

Ленинград. Днем приводил в
порядок свои книги и бумаги, а
вечер провел у В.И.

Вчера я был в очень плохом на-
строении, чему способствовали
одновременно подвигшиеся три
франка! (Я же привык делать
"en grand", даме франка.) В ма-
жоре мне осталось доделать по-
следний этап ~~мое~~ моего "algo-
rithme d'abaissement", который
переводит задачу Вейсбаха для
т особня может к задаче Вейсбаха
с т-1 особня может, таким образом
все доказываемся до 2-х особня мо-
жет (на конечном расстоянии),

1928г.

т.е. до кортуса Гауза (гиперлоке тригического), где вопрос о существовании решается совсем элементарно. Между прочим, применение новой теории к кортусу Гауза (то, что советом Л. В. Чепенский) дает почти такие же простые результаты, как и для доминирующего кортуса. Все это будет выложено в мемуар. Надеюсь закончить к воскресенью, хотя это потребует нечеловеческих (Wot'han'ovskij) усилий. Надеюсь снаться своей победной марш перед отъездом, закончив мемуар.

Пишу только открытку, так как совершенно невнимателен в связи с окончанием мемуара, который надо сдать 10го. (Вла-три дня вероятно все таки еще отпущено.) В общем дело идет не

1928г. много, но обилие невиданных
деталей и местами недостаточ-
ная строгость доказательств вы-
водят меня из себя. Завтра да-
же не иду на концерт (6^й симфо-
ния Чайковского.)

Наконец закончил черновик
текста этого удлинённого мему-
ара. За следующие дни мне пред-
стоит еще переписать 30 страниц
на белом. Завтра самый крайний
срок. Последнее "замечание" оказалось
всё на законности, вот в этом

роде и я его рас-
кусил только в вос-
кресенье 10го. Нельзя
сказать, чтобы я был совсем дово-
лен мемуаром, так как всё таки
не успел всего доказать, что то-
гда. Но во всяком случае самое
главное есть. У меня три шмеля

1928г.

неответенныя письма, они огни,
огни меня поддерживали в весьма
неприятные минуты последних
дней.

Вчера ошел Ва. Ш. мемуары. С
этим мемуаром вообще случилась
курьезная история. Вей последнее
время (с весны) у меня были не-
которые логичные предвзятые мне-
ния, которые неизбежно заведомо
меня в тупик. Наконец, в субботу
9го, накануне срока сдачи мемуара,
я оказался в "генеральном тупике"
и был в полном отчаянии. В ночь
с субботы на воскресенье мне
пришла в голову новая формула.
(См. след. стр.) Я затомнил ее
обычный вид, только задни передела-
ние индексов j и k справа, что воуро-
тем оказалось огни не трудно восста-
новить и аналогичная формула для $\varphi_{jk}(a_1, \dots, a_m)$

1928.

205

$$v_j (w_1 \dots w_m) = v_j (a_1 \dots a_m) \cdot v_k (w_1 \dots w_{k+1} \dots w_m) \cdot v_l (w_1 \dots w_{l+1} \dots w_m) \dots v_m (a_1 \dots a_m)$$

$$v_j (w_1 \dots w_{k+1} \dots w_{j+1} \dots w_m) \cdot v_k (a_1 \dots a_{j+1} \dots a_m) \cdot v_l (w_1 \dots w_{j+1} \dots w_m) \cdot v_m (a_j)$$

1928г.

С утра я засея за проверку этих формул. После долгих часов чрезвычайной суеты и кропотливых вычислений, я установил, что при разложении обеих частей равенств в ряды по степеням коэффициентов при членах вида W_j, W_{j_2}, W_{j_3} совпадают. Возможность случайного совпадения совершенно исключена, так как обе стороны, в которой коэффициенты оказываются равными, очень сложна. Не заботясь уже о коэффициентах при членах W_j, W_{j_2}, W_{j_3} и дальнейшем, я принял эти формулы, которые непосредственно и дали заглавительный "algorithme d'abaissement". Вышло очень интересно, хотя и не совсем так, как я предполагал раньше и как надеялся вnote. Получилось гораздо интереснее, чем я думал - мне

1928г. предположение несколько упроща-
 ло то, что есть на самом деле и
 по моему лишало теорию некото-
 рых весьма красивых и пикантных
 моментов. По настоящему нужно
 иметь у себя подробные и полные
 вычисления доказательства приведен-
 ной формулы, хотя в журнале
 пожелать его все равно нельзя бы-
 ло бы, так как оно абсолютно
никаких принципиальных затрудне-
ний не содержит и сводится к
 простому подсчету (без всяких
 колебаний, оценок, доказательств
 целостности и т.п.) Сейчас я так
 устаю, что положительного не
 в силах считать все это. Заи-
 нули как курагушей через пару дней,
 когда голова немного отдохнет.
 (А два ночи не спал.)

Сегодня с утра приволил в

1928г. порядок вон бумаги, совсем бесконечные
 количества неподписанных черновиков и на-
 бросков. Ты меня наконец отводи от
 моего тебе отвратительного на твои пись-
 ма №№ 16, 17 и 18. Твой ум становится
 легче, когда поправишься более основа-
 тельно. Замени собственное представление
 но с собой давай, что ни будь о Вагне-
 ре. Ты ищешь на себя, что у те-
 бя ни к чему нет большой настоя-
 щей склонности. Тебе нужно бросить
 все "посторонние увлечения" и заняться
 специально Вагнер'овской музыкой,
 изучением литературы о Вагнере
 и т.п. и делать таким образом на-
 стоящую "обоснованную" Вагнер'овскую.
 Может быть с осени можно будет
 наладить Вагнер'овский кружок. Вот
 тебе настоятельная большая серьезная
 работа. А пение, архитектурные
 черчения, вообще архитектуру и т.п.

1928г.

Безмаловато отместе. Тогда будет толк и, я уверен, большого толка. Кроме того должно, конечно, остаться тебе главное дело - я. Хотя это и не дает, как ты говоришь, настоящего удовлетворения, но все же результаты не мало. Поэтому что наши общие результаты это в сущности наши общие результаты. Я уверен, что, получив, на пример, мой журнал "Сотидежонс т соуригес" ... и т.д., ты рассмотрела не него обратишь, как на свой собственный. Твое мнение, что сверный случай, когда корни характеристических уравнений (не разоборчиво) не целые числа, в принципе не меняет дела, поддерживало меня всю весну и, как видишь, оказывается совершенно справедливым.

Я опята в номере: вара вее

1928г.

ром я пришел к заключению, что формулы „algorithmes d'abaissement“^{мент} содержат еще какие то, независимые от конфигурации осей моменты, константы, которые необходимо ввести. Видно, что не меняет существа дела, но требует очень долгих и утомительных вычислений. Верно не знаю, что мне предпринять. Я чувствую себя совсем усталым и вымотанным. Хотят ли мне к тебе в Крым с работой и потом выслать рукопись по почте. В. Ш., или сидеть здесь и доделывать все эти „гаршева“ у себя в кабинете? Все это до последней степени несносно. Все таки сегодня и завтра буду храбро вычислять, а вот дело уже не так страшно!

Сейчас был у В. Ш., получил от него корректуру первого листа.

1928г.

ра и забрал обратно рукописи второго.

Взял билет для себя и для Д. Д. Ди Нити (Д. Д. Бекарлоков) на 29^е, беру с собой немцар, так как Д. Д. Ди не категорически настаивает на немцарном моем выезде. Настроение отличное, этот отъезд похож на бегство. Если за эти две дня чтонибудь виденител короче в немцарном отношении, то отъезд может быть отложен до вторника, с тем, чтобы ехать уже свободным.

Из письма Д. Д. Ди. Лаппу-Данин и Д. Д. Бекарлокову. - За эти две недели, которые ты провел у нас, ты, вероятно, еще лучше понял, какой тревога у меня за Ваню.

1928г.

Из письма О.А. Лепко-Дакки.
 к Д.Д. Бедарникову. - Крым. - Какое
 это было счастье, что Вы прозани-
 мались с Ваней все это сумбурное
 время гонимы "к ерочу" его мему-
 ара, время полное для него то
 надежд, то сомнениями и раздвоив-
 шимся, которые так угнетающе на
 него действовали, уже давно пере-
 утомленного работой. И как хо-
 рошо, что Вы вырвали его из этой
 атмосферы и заставили ехать сю-
 да. Приехал он в таком виде, что
 здешние жители только ахали.
 Но настроение у него сразу пово-
 силост, что отразилось немедленно
 на его общем самочувствии. Он
 отоспался, успокоился и через три
 дня снова начал понемногу заняти-
 я, приводя в порядок свой мему-
 ар.

1928г.

Из письма Ш. О. к матери
Крым. Лето. - Сегодня я слегка
развил математический фронт,
занимался часа четыре. Работал на
открытой веранде, востане магов
от моря, так что все время на мор-
ском воздухе. Чувствую себя физически
и психически много лучше. Уверен,
что справлюсь со всеми математи-
ческими неприятностями, хотя, ко-
нечно, не закончу мемуара завтра
или после завтра. Вообще буду ра-
ботать спокойно, не думаю о сро-
ках. Так будет лучше.

Физически чувствую себя пораз-
до лучше, но работа пока еще не
наладилась.

Здесь обстановка превосходная,
прекрасная погода, чистый воздух
и т.д., так что, в смысле восста-
новления физических сил, лучшего

1928г.

нельзя желать. С работой же еще не клеится и это до известной степени отражается мне же прочее.

Мои дела тут-тут пойдут, хотя не так до конца еще очень далеко.

Работа сейчас идет несколько лучше, так что надеюсь в итоге закончить ма. муар и в августе отпущены как следует.

Голова полна работы. Занимательность здесь довольно усилена.

Мои дела с работой почти хорошо. Сейчас приходится сидеть над весьма утомительными и длинными вычислениями, которые, к счастью, кажется, доведут меня вскоре до хорошего конца.

Мои дела как то опять пошли более кисло и стал плохо спать. Надеюсь, что это временно и что через несколько дней войду в норму.

1928г.

Моя работа идет не таким темпом, как бы мне хотелось, но все же дело обстоит не плохо и конец уже виден, хотя утомительный и трудный вычислительный предстоит еще достаточно.

Мои дела как будто совсем уже не плохо. Бог даст, через неделю разделается и буду уже отдыхать, как следует.

Моя работа уже кажется близится к концу и настроение торжественное.

Пишу несколько слов с той только для того, чтобы ты не беспокоилась. Работа совершенно забыта кемаром и ни о чем другом сейчас не могу думать.

Мне в сущности не много остается до конца кемара, но я от тайно устал и вычисления идут

1928г. туго.

Я еще не начинаю отдыхать. Мемуар надены скоро закончить, но пока приходится много работать и чувствую себя очень утомленным.

Ленинград. Сдал рукопись мемуара в типографию!

Из письма О. А. Лопко-Данил.
и Д. Д. Бекаржикову. - Ленинград.
Сегодня мы еще под впечатлением
Большого Ваниного успеха, который
он имел вчера вечером на заседании
Математического Общества. Недалго
тому назад ему предложили про-
читать этот доклад на первом же
заседании этого сезона, что он ве-
ра и исполнил, произведя силь-
ное впечатление на аудиторию
своей грандиозной теорией. (Я веду
также Бюна на заседании.) Подумай.

1928г.

же, ведь это достигнуто им только за последние два с половиной года! После заседания долго не расходился и даже на улице продолжались оживленные разговоры, по поводу его доклада. Конечно, и в Европе и в Америке станет известным его имя, после появления там его лектур. А между тем, в уни-верситете Ване оттирают, не давал ему даже скромной докторан-тской ассистента. И тут опять встает неудобный вопрос: что будет по окончании аспирантской стипендии? Как бы не был гени-ален человек, но ему нужно пища-ть и иметь время для продолже-ния своей работы.

Из письма Я. Дм. Лопухов-ска-му. к Д. Д. Бедарькову. - Ваня ве-ра, проводит тебя и возвращает

1928-1929г.

218

с вокзала, еле-еле дошел от трам-
вал доной из за сердца, как это
часто с ним теперь случается.

Нужна спокойная жизнь на ко-
торую нет никакой надежды.

1929 год.

Из письма О.А. Лопки-Давид. и
Д.Д. Бекарюкову. - Ванин диспут
состоялся 5го апреля в 7 1/2 часов ве-
чера. Зала Совета Бюна полна.

Кроме математиков, были и из-
вестные физики и химики. Были
некоторые из наших друзей и зна-
комых и, что очень приятно,
почти все Ванины слушателем
из Морского Шехникуша. Сначала
Ваня с полчасом изложил свои до-
стижения*) потом взял слово
академик Успенский. Он говорил

*) См. У.А. Лопки-Давидовичей. Мерквал функций от

камерных и сущности шкелонит дифференциальной урвнне.

кадр. Гос. Механико-математического ун-та. 1934г., где напечатана работа Ваня Давидовичей.

1929г.

почти так. В своей речи Д.В. Успенский выставлял przede всего те принципы, в силу которых можно усвоить объективную ценность данной научной работы: конкретные результаты, новый метод исследования и открывающиеся перспективы. Затем с явной точкой зрения подробно разобрал Ванину работу и вывел заключение, что эта работа превосходит самые строгие требования и открывает такие богатые перспективы, что разработать этот материал будет не одно поколение математиков. Таким образом Ванин труд является фундаментальным и классическим и через несколько лет его метод войдет в число общеобразовательных университетских курсов. Заключил свою речь, Д.В. Успенский сравнил

1929г.

Ваню с Нютоном. Затем по-
ворил проф. В.И. Смирнов, осветив-
ший Ваню работу с историче-
ской точки зрения. Затем трем
имена всемирных математиков
прошлого и этого столетия, ко-
торые уперлись в тупик в своих
исследованиях, тупик, который
пробил теперь Ваней. В заклю-
чение В.И. Смирнов горячо пожелал
Ване здоровья и сил для продо-
жения своей блестящей научной
деятельности. Проф. Н.С. Кошля-
ков, сказав несколько лестных слов,
выразил пожелание, чтобы Ваня
Ваней, при помощи его новых ме-
тодов, разобрал некоторые гаси-
мые вопросы (которые до сих пор
представляли собой самостоятель-
ные области исследования). Проф.
В.Н. Липин с большим подъемом

1929г.

заговорил о великом научном значении Вановой работы, но усматривает лишь один недостаток: форма изложения ее, в виде не более шестнадцати параграфов, не соответствует, по его мнению, классичности научного труда. „Но, заканчивает он, и на солнце есть пятна и тем не менее оно светит и дает жизнь“.

Сердечное короткое слово сказал проф. Н. М. Понтер (так как его присутствие уже все сказали, что он хотел) поздравил Ваню с великим делом, которым он разрушил стену и открыл аналитический путь.

После таких то речей высокопоставленных и авторитетных людей и научных авторитетов, страшные возражения и обвинения Вани в „схематичности“ со стороны одного из чле-

1929 г. нов факультета внесли какой то
 многолетний диссонанс в общее празд-
 ничное настроение, но испортить
 его, конечно, не смогли. Ваня все
 ответил. После этого декан факуль-
 тета внес обычное официальное
 предложение считать работу асти-
 фанта Л. Д. удовлетворительной
 и закрыть заседание. Дружные про-
 должительные рукоплескания. Ваня
 долго раскланивался, потом получил
 восторженные поздравления. Дамил
 ном с Ялевой Дм. все это перешло.
 Все последующие дни Ваня принимал
 мол без конца поздравления и имен-
 но и по телефону. Проф. Д. сказал
 мне после диспута, что вероятно
 но редко стени ^{нашего} университета видели
 такой триумф. - Теперь Ваня
 входит в нормальную колею, но
 Ваня переутрачен и нравственно

1929г.

и физически. Это мучит мысль, что он не имеет времени писать свой большой мемор, который необходимо кончить до отъезда в санаторию, для того, чтобы лечение шло успешно. Да, еще забыл сообщить Вам, что наконец диспута проф. Риттенгольцу неожиданно получила письмо из Германии от известного немецкого математика Schlesinger'a (писал это. Был прозванно влукт акад. Устенским во время диспута), в котором Schlesinger пишет о том, как он замечает, как Ваши книги работами. Видно письмо очень лестное, привлекло во внимание, что Schlesinger занимается 25 лет этими же вопросами, без особенного результата, а Вам в три года разрешил их так блестяще. — Вот начал

1929г.

последние новости. Как жаль,
что Вас нет с нами.

Из писем Ш. В. к матери.
Кисловодск. Лето. — Я устроился в
одном из лучших санаторий, кото-
рый находится непосредственно в
парке. Отношение медицинского
персонала прекрасное. Я занимаю
отдельную комнату. Сегодня будет
консультация и, вероятно, назна-
чат Нарзанские ванны. Пока лече-
ние ограничивается отдыхом и
ветриками ммидака. Боль-
шую часть времени провожу на ве-
ранде моей комнаты и не мно-
го пишу "суплемент", хотя это
и запрещено докторами. Мне
предписано преимущественно го-
ризонтальное положение и я
за пределами санатория почти не

1929г. Выходу.

Вчера меня смотрели целая комиссия из пяти докторов. В дополнении к обычному пороку сердца они нашли какое то очень редко встречающееся заболевание аорти-стеноз аорты. Говорят, что придется еще продлить пребывание в санатории до 4го июля. Ванны пока еще не дают. Курсы значительно меньше и вообще чувствую себя лучше.

В урне были три нарзанные ванны и они, повидимому, хорошо действуют. Вчера меня просветили ламп рентгеном и оказывается, что, кроме расширения аорты, в аорте ничего нет. В сердце обнаружены все тот же порок (недостаточность клапанов и стеноз митрального отверстия) Лечение исчерпывается нарзанными ваннами и внутренними

1929г.

ванильными мшишками. День про-
 водится так: встало в 7 часов, совер-
 шало свой туалет, встрыкивание
 мшишка. В 8 ч. первый завтрак.
 От 8½ до 9½ немного занимаюсь
 математикой. С 9½ до 11 отдыш
 статьи. В 11 второй завтрак, с 11½
 до 1 часа приходят Оля и Урон,
 (жена и дочь), с которыми прово-
 дим время в саду. В 1 час обед, с
 1½ до 3 ч отдыш статьи. С 3 ч до
 4½ немного математики, в 4½
 чай. С 5 до 7 отдыш со шашки в саду,
 в 7 ужин. С 7 до 8½ вечернее пред-
 вание в саду с Мартой Аркестович
 (М. Ф. Металева жена в той же само-
 торши) с 8 до 9½ немного мате-
 матики. С 9½ легкое чтение
 и статьи. Нерзанные ванны обычно
 утром через день. Вот и все мой
 день. Очень благодарен тебе за

1929г.

"стаетни", они меня развлекают.
 ("Стаетни" Ш. Вл. называл раз-
 ные сообщения ему новости из Ле-
 нинграда)

Сейчас меня вторично осматри-
 вала целая комиссия врачей и, срав-
 нив рентгеновский снимок с дан-
 ными объективного исследования,
 пришла к весьма неутошительным
 для меня результатам: характер
 порока сердца для нас уже был ясен
 и они интересовались преимущественно
 аортой. Вставили в диапнуз-
 склероз аорты. Они говорили по-
 латини, я молчал, видимо, скрыл
 от меня это, но я услышал
 слово "aortitis", переспросил и
 они поставили точки над *i*. За-
 ключение комиссии: необходимостью
 продолжения срока лечения мини-
 мум до 20го июля. Я полагаю,

1929г.

конечно, что непосредственной опасности нет (тем более, что я бессмертен), но печально иметь в молодые годы такую стариковскую болезнь.

Минида действует на меня отлично, а ванны сверхотлично. Недавно мне проверили пульс до и после ванны, оказалось, что он упал на 20 ударов в минуту (81-62) Это считается прекрасным эффектом. В вес я прибавил в санатории 3,4 кило (8½ ф.) Целки все таки еще с провалами.

К Вл. Ш. еду завтра в Эссенту-ки, чтобы сообщить ему кое-какие новые мои математические мысли, которые продаю в "Башке", хотя я систематически не занимаюсь.

Последний раз был у Вл. Ш. (в Эссентуках среду). Он остался очень доволен

1929г.

одним своим новым открытием, которое я здесь между прочим сделал и велел писать на сей предмет ноту в "Comptes Rendus". Это новое открытие, независимо от самостоятельного его значения, дает ключ к решению проблем, которые должны трактовать во втором номере мемюаре об иррегулярных системах: У меня на очереди следующие самые ешешные писания:

- 1) Новая нота в "Comptes Rendus",
  - 2) Suppléments к мемюару для премии,
  - 3) Большой мемюар о регулярных системах для Парижа,
  - 4) второй мемюар об иррегулярных системах.
- N° 1 и N° 4, как всегда свалились в самые последние времена. Вл. Ш. говорит, что я должен соблюдать очень строгий режим, но мне кажется, что

1929г.

Я ничего не имел бы против, что бы именно в данный момент материалов было бы меньше. Эта необходимость излоразодной стешки положительно меня изводит. А необходимость на лицо, так как напечатанный уже междуаром и междуаром, который сейчас не тащется, я открываю новые пути и надо бы первому сажать и прочее по ним.

У меня был маленький кризис, который подпортил мне организмы мне пребывание в санатории, но никакого существенного ущерба и счастья не принес. Сегодня ко мне приходил с завлостигиеленным визитом мой ординатор. Он констатировал несомненные добейши мне улучшения общего состояния. Он настаивает на проведении всех

1929 г.

Кич'а абсолютно без всяких научных занятий, это будет очень трудно исполнить. Я писал в одном из предыдущих писем, сколько у меня экстренно срывается наука дел.

Из письма О. А. Лопух-Данил. к О. В. Шереметовой. - Кисловодск. Рассчитываем переехать до середины августа в какое-нибудь тихое местечко под Тифлисом. Надо выбрать такое, чтобы было полезно для Ванюшного сердца, которое, хотя и подросло, но все еще в плохом состоянии. Ведь ему предстоит много месяцев усиленной работы и всевозможных волнений. Не могу добиться, чтобы бросил совсем курить.

Из письма Ш. О. к матери. Ба. тузм. Зеленины Мис (Настяки) Вздми

1929г.

здесь коннату на горе (150 м.) над морем. Роскошная природа, умеренная жара и совершенно изолированное положение. Несмотря на длинное и довольно утомительное путешествие, я чувствую себя хорошо превосходно, скрываю себя вилдние санатория.

Я занимаюсь в тени каштанов и лавров с редкими видами на море.

Я чувствую себя очень хорошо и удачно пишу.

Из письма Я. Д. Лапови-Данич. к Д. Д. Бедарникову. Ленинград. - Важно видеть здесь приятный сюрприз - длинное письмо от проф. Schlesinger'a (из Германии), который начинает с благодарности за получение от Вами "zwei"

1929г.

schöne Noten" и предлагает ему
печататься в немецком издании.

Моме. - Ваня пишет во всю, а
в сентябре уже начинается лекция.
Говорит, что у него также чувство,
что он поправился процентов на
25. Немного это.

Из письма О.А. Лепко-Ванюк. к
Д.Д. Бедарькову. - Давно хотела
Ваня написать, но волнения из-д.
Ботки, являющиеся неотъемлемы-
ми в нашей жизни, совсем нам
закружили. Наступающий момент
застает нас в таком положении.
Ваня, после бесчисленных прерыва-
ний со мной и Жен. Дм., утверди-
ла с 1го сентября в трех высших
учебных заведениях: Институте
Горном, Путейском и Политех-
ническом. Мы очень не хотели,
чтобы он брал лекции в Политех.

1929г.

нагееком, из за дальности расешо
 дния, но, как и всегда, наши про-
 тести ни к чему не привели. Дело
 в том, что у него есть возможность
 получить там с января кафедру и
 он сможет таким образом сокра-
 тить там количество часов. В Сор-
 нии З. Дм. принуждена была весь
 летом (в Ванно отсутствие) нрав-
 ственны обязательства в том, что
 он оттуда не уйдет, в Муней-
 ским все так же и желает быть
 на кафедре, и связанна с ней со-
 кращение часов. Вот его главные
 доводи за кратковременны, как он
 думает, перегруженне лекционной
 работой. Все это крайне требоват-
 но, так как 1) физически ему будет
 трудно вынести такое количество
 часов и разгуды, 2) он не сможет
 заниматься своей научной работой.

1929г.

Я, конечно, предполагал бы иметь
 в образ денег, но тогда Ваня сидел
 дома и занимался бы своими делами.
 В это прошлую неделю шли экзаме-
ны в Корском Шенникуме, которые
 Ваня оставляет, а дома мы про-
 верили насен академический ра-
порт. Матери это закончилось и Ва-
 ня со верошнего дня засел за писа-
 ние журнала для Schweisinger'a.

Из письма О.А. Лопи-Данил.
 и О.В. Шереминной. - Сегодняшнего
 дня Ваня начал читать лекции.
 Как он выдержит такую нагрузку!
 А когда вернется, представит пе-
 реписки ~~два~~ две новые ноты в
 "Comptes Rendus", отменительно
 нового журнала, которые он на-
 писал за это время.

Из письма О.А. Лопи-Данил. и
 Д.Д. Векарюкову. - Сейчас Ваня едет,

1929г.

а я сижу и охраняю его сон. Вмудней так редко приходится пользоваться отдыхом. К звонку на парадной привешена записка: „проедет ступать“ и я слушаю, что постукает. Мое времяпрепровождение состоит главным образом в беспечности за Ваню, а его времяпрепровождение приводит нас в отчаяние и ничего нельзя сделать. В то же время по всему просему, в университете ему дали доцентуру, т.е. он будет два часа в неделю читать свою собственную теорию. Аудитория будет вероятно высококвалифицированной, так что надо будет серьезно готовиться. Кроме того группа прошлогодних Вашиных слушателей. Горного Института отправила депутацию сначала к ректору, а потом к Велю.

1929г.

с заблуждением, что они ни у кого, кроме Вами, обугаются не жана-котт, поможете им еще несколько часов в неделю! Очень хорошо, что Вы скоро к нам приедете, может быть, Вы поведете у нас парадки!

Из письма Я. Д. Мотти-Даниелеса, к Д. Д. Бекаржову. — Мне кажется, что ты своим личным вмешательством и присутствием можешь помочь приведению в порядок Ванниной жизни, которая гудит его на наших глазах. За этот месяц непостоянный работин состояние его здоровья значительно ухудшилось, он очень ослабел и изнурен, и если пойдет дальше таким образом, то к концу следующего месяца будет кончено мэрмат. Особенно тревожно,

1929г.

ему раньше вставали (четыре
 раза в неделю лежучи у него на-
 гинаются в $8\frac{1}{4}$) и то, что нет
 свободных дней. Недавно его обильно
 кашлем, усилившийся от поворота
 шеи, закончился появле-
 нием признаков крови, после чего
 он, (не скрывя это конечно от нас)
 отправился до вечера, гинать ле-
 жучи. Узнав об этом, Оля в то же
 же вечер потащила его к проф. Т.,
 который очень хорошо к Вам от-
 носится. Он пришел в удиве от
 Вашего расписания и подложил
 режим, который при наличии
 этого расписания конечно не ис-
 полним. Центриком кровотока
 камиа проф. Т. считает не легкие
 а сердце. Написал ему свидетел-
 ство в Берлин о том, что состо-
 яние его здоровья требует нешед-

1929г.

ленного его освобождения от бо́ль-
шей части его занятий там. Об
этом уже был поднят вопрос в
правлении Горного, но пока встре-
чен решительным отпором, глав-
ным образом, со стороны представи-
телей студентов, которые повторя-
ют: пусть отказывается от других уг-
реждений. И вот еще не известно,
чем это кончится, страшно, что
затянется, а тут народный дом
имеет значение.

Из писем О. А. Лапки-Данил. и
О. В. Шереминой. - Ваня еще от Гор-
ного не освобожден. Надеюсь, что ос-
вободится хотя со следующего семес-
тра. Все же ухищряется поэти-
чески по возможности писать свой
журнал. Лекции в университете
идут очень успешно. Зубовуется
себя, и удивленно, смехом, даже

1929г.

по ногам кашляют перестал, хотя
курить все еще не бросил.

Из письма О.А. Лапки-Донил. и
Д.Д. Бедарькову. - Утро начинается
с нас так: в 7 часов Урон от-
крывает двери и объявляет: "папа,
пора вставать!" Шут для всех
начинается работа. Урон прино-
сит воду для бритья и вообще
всё, что требуется, в кухне го-
товятся каша, яйца и чай, а де-
лаю бутерброды, которые Ваня
надменяет везет с собой и вы-
слушивая его поручения на дан-
ный день. За. Дм. накладывает
заранее на тарелку кашу, чтобы
не была горячей (горячее Ваня
запрещено) и собирает на родни
все многочисленные предметы,
которые Ваня расовывает по
карманам, в первую очередь фла-

1929г.

кончик со стробрантом. На моем
ответственности я во портрёт,
из передней, где Ваня надевает
пальто, он уже раза два возвра-
тился к зеркалу, чтобы проверить,
всё ли в строгом порядке, с рис-
ком опоздать на лекцию и наконец
начинает медленно спускаться с
лестницей, за тем мы также
следим, да, впрочем, иначе он и
не может, Ваня гитаяет: в вос-
кресение выекуи, в понедельник
11, во вторник - 7, в среду - 8, в чет-
верг - 6, в пятницу - 8, в субботу -
11, при тем два последние часа
в университете свою теорию перед
избранной аудиторией! Но это
не всё: в те дни, когда он возвра-
щается не позднее 8 часов вечера,
он спит часа три, а потом су-
шивает свой мемор до 2-х час. ночи.

1929г.

Вот и приходится его всегесси
 ублажать и нянчиться с ним,
 как с прудным рабеном. На ме-
 ня некоторые математикн, до-
 торне мало нас знают, смотрят,
 как на чудице, которне заставля-
 ют своего перманного мужа убивать
 ся для зарабатывания денег. Легко
 это? Мало что может себе пред-
 ставит нашу внутреннюю жизнь
 и Ванно упрямит! В некоторнх
 вещах. Вы наверно понимаете,
 каково у меня на душе: каждкелно
 видеть, как Ваня убивает себя
 этой работой и как медленно (хо-
 тя и успешно) движется из-за
 этого его научная работа. И
 это бессилие, это ничудт делаш!
 Поступить со мной на службу?
 Но это даст мне всего 80р. и
 лишит лета, а один Ваня не

1929г.

захотел нигуда ехать. Кроме того, мои обязанности дома, главным образом связанные с Ванюшкиными делами, так многочисленны и разнообразны, что отехать и переписать их прямо не возможно. Относительно Ванюшкиного здоровья не писала, потому что сама не знаю, что сказать: он уверяет, что чувствует себя хорошо, но при его состоянии разве можно ругаться хотя за один день?! Хорошо, если бы вы могли скорее выехать к нам!

Из писем О.А. Лаппи-Данн-левой и О.В. Шереминной. У нас все тот же бешенный темп жизни, как и при тебе. Что будет у Вани со следующего сентября, еще не известно, так как теперь, в связи с новыми условиями

1929 -
1930г.

планом, будет вообще сокращение часов. Отказываются потому будет тогда, когда всё введется. Губ. ступает себя Ваня, кажется, ничего, но за него всегда споршно.

1930 год.

Из письма З. Д. Лепки-Данил. и Д. Д. Бекорнковой. - Счастливы ночи под Новым Год. Ваня и Оля встречают его со своими самыми близкими друзьями Н. Сказали сыражом грядущему в новом новом году! Ваня сегодня в первый раз вышел. Считают, что день был сравнительно не очень тяжёлым: ушел в 9 часов утра, вернулся к 7-ми из Политтехникума! Кажется может быть нежелезнее, температура мерить не хочет. Вчера было у нас 16 студентов из Туши.

1930г.

ского, чтобы не заставляли его са-
мого туда идти. Поставили два
больша стола в столовой и заня-
ли стулья и соседей.

Из письма О.А. Латви. Данил.
и О.В. Шерякиной. — Уредные заведени-
я будут Ваню на гостини. Надеюсь
все таки, что удастся собрать
эту работу.

1 час ночи. Из Политтехникума
Ваня пришел приехал в госпиталь
ра в плохом виде; у него шла пор-
ция крови. Проф. Т., который сам
не мог * приехать, направил к нему
другого доктора. Он нашел, что у
Вани из за сердца застой крови
в легких. Влежено несколько дней
предлежать без движения.

Многие. — Последние недели
так проходят, что некогда со-
браться с друзьями и написать

1930г.

тебе. До 14го Ваня лежал сподручно, но 14го решил непременно ехать читать лекции в Политехнический, так как студенты просили, что бы он закончил семестр и принял бы от них зачетки. И вот 14го и 15го я его возил в Политехнический в автомобиле туда и обратно. 15го вечером у Вани опять поднялась кровь и свернула сонно чувствуете. Проф. Т. звонил мне в 11 часов вечера, дал разные назначения, велел Ване лежать и сказал, что придет на другой день после 12. А Ваня на другой день с 10 часов утра читал лекции в Мутейковом (конечно майно сам проф. Т., а то бы он отказался иметь с Ваней дело.) Я его и туда волей-неволей сопроводил. В начале первого привез его домой

1930г.

и уложила в постель. Сама же поехала в Политехнический, передать студентам приглашения Вами принят и нему надом, сдать зачет. Договорились на 17^е в 11 часов утра. Проф. Т. приехал в 7 часов вечера, всячески уредничал Ваню и прописал полный покой до 20го числа. Но Ваня вчера встал и не только принял зачет от 20 студентов, но еще прочел им даже новую лекцию у своей доски! В результате подняение крови, продолжавшееся и вчера и в эти дни. Конечно, эти его походы или от проф. Т. приходится сдерживать. Сегодня он лежит наконец спокойно целый день и завтра его уговорил в Политехнический не ехать. Проф. Т. очень тревожится за Ваню, но при нем многого

1930

248

не поворит и напрасно, так как Ва-
ню ничем не запугаешь. Между про-
чим проф. Г. предполагает и я так-
же думаю, что Ваня читает лекции
с 1²⁴ не сможет (а он уже соста-
вил расписание) и это ему долго при-
дется лежать, если он хочет еще
существовать. Вот я и ломаю
голову, как это осуществить на
практике. Отпуск по болезни ему
даже дадут очень легко, но как толь-
ко он поступит на иждивенца стипен-
дией, то будет получать только
180р. Сама можешь себе представи-
вить, как обойтись этими деньга-
ми, принимая во внимание учи-
тельное питание Вани, которое
стоит огромных денег. Как тут
может быть лечение? Это деловое?
(Здесь пришла тогда на помощь
друзья-математики, судившие

1930г.

Омне Ал. и крупную сумку денег, которую Ш. Ал. не успел или вернуть). Ваня не пишет сам, оттого что, когда он не хорохорится, чтобы лететь на лекцию, он все время спит, так как очень ослабел.

Томе. Ваня чувствует себя недурно, с 15⁰⁰ уже приступает к занятиям. Очень за него беспокоюсь, как же он выдержит!

Томе. У Вани повысилась температура, 29⁰⁰ и 30⁰⁰ была уже нервическая, но доктор сказал, что ему надо хотя два дня еще посидеть дома, а он совершил очередное безумство и сегодня с 10^{1/2} час. утра уехал в Политехнический, откуда после лекции зашел к академику В. и там переучил 10^{1/2} час. вечера, а его все нет. Сейчас буду звонить и ак. В., чтобы он отправил Ваню домой.

1930г.

Шоже. - Очень мало, что не могу приехать сейчас с Цроном погостить к Вам, столько таких теплых, прекрасных дней! Но Ваня нас дерогит в страшном беспокойстве за свое здоровье, кроме того мне приходится эти две недели исполнять всевозможные его дела. Жизнь идет все также. Большие и маленькие события сменяются непрерывно одно другим, но для меня все затуманивается беспокойством за Ваню, а он ведет себя совершенно легкомысленно, курит, не торопясь сбавити количество лекций. Противоречия вызывают у него волевые, которые ему так вредны.

Из письма Ш. Ви. и Д. Д. Веларюкову. - Я сразу из двух мест представлен к получению Rockefeller'ской премии: Schwesinger'ом

1930г.

в Giessen'e и Виткхофф'ом в Cam-
 bridge'e. Говорят, что все шансы
 за то, что я ее действительно по-
 лучу. Тогда 1^ю октября сего года
 мы ~~от~~ отбудем на один год за гра-
 ницу - в Giessen и Cambridge (только
 это не английский Cambridge, а
 американский - 300 километров от
 Нью-Йорк'а). Принимал ее во вни-
 мание, не могла не прийти к заклю-
 чению, что твой приезд сюда в
 июне абсолютно необходим. Пока
 что, читаю лекции, пишу материал
 для немецкого журнала и готовлю
 лекции и доклады на конгрессе. Зубо-
 стую себя относительно вполне
 прилично.

Из письма О. А. Лаппо-Данно,
 и Д. Д. Бекаржикову. - Ваня читает
 лекции, а остальные члены семьи
 всячески его ублажают, смотрят

1930 г.

ждет, чтобы он не делал сличных
 Вильма пупостей, исполняют
 его поручения и т.д. Зубствуем
 он себя сравнительно сносно. К со-
 жалению, всё же мало приходит-
 ся ему уделять времени научной
 работе. - Сейчас звонил фотографо
 из какого то журнала о том, что
 придет завтра снимать Ваню.
 (Вся последняя прекрасная фото-
 графия.)

Из письма О.А. Лаппо-Давид. и
 О.В. Черениной. - Ваня вернулся
 из Москвы в утомленном виде. Доктор
 приказал ему лежать минимум
 неделю. Лежал же он 2-3 дня и
 за эти дни проделал огромную
 работу, составил программу по
 Воздушной Институту, куда его

* Инст. Урагн. Возд. Флота.

1930г. пригласили профессором и пригото-
 вили доклад на Харьковскій съезд.
 Ваня писал, а я переписывала, и
 писала плакаты и формулы. Все
 это забрал с собою В.И. Смирнов, ко-
 торый, по Ванькиной просьбе, и чи-
 тал за него доклад в Харькове. 22го
 утрами рано пришла телеграмма
 от директора Эрстедтского пред-
 ставительства Восточной Финляндии
 Института, проф. Дюмонса, о том,
 что он придет в тот же день
 из Финляндии для интервью с Ва-
 ней. Ване было много хлопот с
 лекцией его, которая прошла очень
 удачно. Проф. Дюмонс приехал с
 сестрой. Вечером Ваня возил их
 в театр, на другой день - проф.
 Дюмонса в Академию Наук, к ака-
 демичку Крилову и в разные ученые
 учреждения, а я показывала его

1930г.

сестре город. Потом мы съехали в Зеротейской и вместе обедали. Произвели они на нас очень милое впечатление. Вечером во звали их в баню. К себе их не приглашали, извинившись тем, что у нас в квартире ремонт. Дядя Ваня показывал проф. Дюмоню ученые учреждения лесного. Сегодня проф. Дюмонс поговорил с Ваней о деле и заявил что Воскрясская' окская стипендия ему будет уш. веридена с 10го июля. Вечером мы поехали Дюмонсов провожать. Потом наверно начнется что нибудь другое. Так всегда у нас бывает!

Из писем Ш.А. к мне. Ленинград. Лето. - Вчера получил из Вад. Ваикейт'а записку от проф.

1930г.

Schlesinger'a. Он очень много поздравляет меня с Rockefeller'ом.

Угнетает масса внешних дел, не дающая возможности заниматься математикой.

Из писем Ш. Ол. и матери. Место. По дороге в Кисловодск. Узнал в Москве, что моя командировка в Giessen уже разрешена.

Кисловодск. Санаторий Цеккубу. Доктор нашел компенсацию сердца удовлетворительной и завтра я принимала первую Нарзанную ванну.

При сем текст моего доклада для Харковского съезда. Это нужно перепечатать на машинке и отпр. Вильм акад. Бернштейну. Доктор подтвердил у меня старый диагноз. Губительна себя хорошо.

Сегодня ночью у меня опять бл. на крови, и утром мне делали

1930г.

Внутреннее выживание соли. Зуб-
ствую себя все время хорошо и
все время лежу на кровати.

Из письма Э. Т. Олденбург: Ки-
словодет. — Результатом осмотра
четырех врачей; во главе с Союзной
знаменитостью по сердечным бо-
лезням, московским проф. П., посма-
новским: положение Вани очень
серьезное, но не безнадежное. Порок
сердца не пройдет, но при соот-
ветствующем режиме с таким
порядком можно жить и работать.
Но кроме порока, сейчас у Вани
продвинулся туберкулез и вот на-
до надо обратить особое внима-
ние еще минуту, поэтому же
кровотечение туберкулезного харак-
тера. Вани поворачивать без движе-
ния в кровати, кормить, как на-
удой. Чтобы остановить кровотеце-

1930г.

ние, ему делают эмфиземат вли-
 такие комочки и соли в вену руки.
 Так дело идет последние пять
 дней. Ему окончательно запрещено
 говорить, он молчит, великое резкое
 движение и в руках он может дер-
 жать книгу без перетяжки, чтобы
 не утомлять сердца. За эти пять
 дней Ваня по внешнему виду обра-
 вился, а проф. П., слушая биение
 сердца и няшея, что сердце стало
 лучше. Патирокс у него отобрал.
 Все дело пойдет на лад. Но пока
 мотая до отъезда за границу ему
 запретили и он этому подчини-
 ся. Вся жизнь Вани, как сказал
 проф. П., в его руках. Будет он все-
 та надлежный режим и бережт
 себя - он будет жить и работать.

Из письма Ш.А. и Д.Д. Бекерю-
 кову, Кисловодск: В общем цветущую

1930г.

себя очень хорошо, опортает меня только запрещении заниматься и курить. Курю только 3-4 папиросы в день, это гитара разные рама-ны. Надеюсь все таки, что через несколько дней мне разрешат пи-сать, а то будет скандал с моим мемуаром в Stelle's Journal.

Из писем Ш.О. к матери. Ки-селодек. - Зубеткую себя хорошо, хотя крови еще есть. Это обидно, стал сравнительно болячкой в Кисловодке, но проф. П. все таки не находит нужным, чтобы я уез-жал отсюда. Наоборот принять меры к продолжению нашего пребыва-ния здесь.

Спешу сообщить тебе приятное известие: уже целые сутки сов-
сем нет крови. Очевидно это

1930г.

"паршево" окончилось. Выбавание мне
 всё таки делают на великий случай.
 Позвоки поинтересна в Путевский
 Институт и узнай, что можно
 о времени начала занятий на I и II
 курсах. С. Р. (Ольденбург) так добр,
 что хлопотает о предоставлении моего пре-
 бывания здесь, вероятно это ему
 удастся, но надо еще сконбинировать
 с получением заграничного паспорта
 и началом занятий.

Притиска меня И. А. Доктора
 категорически запрещают Вам
 каких бы то ни было занятий в
 Институте в сентябре до отъезда
 за границу. Ему надо быть на редак-
 ции в течение 4-6 месяцев, а то
 его хватит не надолго. Надо устрои-
 чти в Путевский, чтобы его не
 тревожили..

Спасибо за предложение, полу-

1930г.

тил ее вчера. К счастью необходимость в ней миновала, так как несколько дней уже крови нет и чувствуют себя отлично. (Ш. А. очень верил в лечение пометоматией). Все же меня держат в лежачем положении на террасе, что впрочем меня мало удручает. Слегка занимаюсь, часто навещаю друзей и знакомые. Мне весьма важно знать, когда я покину доблестный Воздушный Институт, узнаю, пожалуйста. Доктора советуют пребывать в Кисельводеке как долго возможно долгие и важно выдвинуть, как в туго предельный срок моего возвращения, в связи с Воздушным Институтом.

Мое здоровье значительно лучше. Крови нет совсем уже около недели. Все говорят, что и внешне я очень поправился. Выживание

1930г.

соли делают теперь через день. По
преданию предвзвато преимущественно
в летнее время повороти и не
стучаются вниз.

Последние дни все свободное вре-
мя я по возможности занимаюсь и рабо-
та идет хорошо. Отношение Док-
торов очень хорошее, посетителям
также очень милы.

Сейчас получил письмо от Jones'a.
Он надеется, что я получил уже из-
вещение о присуждении мне Rocke-
feller'овской стипендии, благодарит
за прием в Ленинграде и Москве.

Вотбуде письмо очень милое. Все
сообщения о серьезности моего заболе-
вания сильно преувеличены, я себя
чувствую совсем не плохо, а сейчас
отлично. Все благополучно. Крови
нет.

Спасибо за телеграмму о начале

1930г.

занятий в Путейском. Всё скла-
дывается таким образом очень хо-
рошо и я смогу вероятно пробить
здесь до середины сентября. Чувствую
себя хорошо.

Из письма О.А. Лаппа-Данила и
Д.Д. Бекаржикову. - Кисловодск. У нас
всё идет довольно благополучно, то-
лько только то, что есть постоянно
волнующие обязательства, недля-
гоприятные для Ваниной поправ-
ки (Сбори за границу) и еще сквер-
но, что Ваня ведет себя отвражи-
тельно. Из всего, что ему предпи-
сано, он исполняет только одно.
не сходит вниз по лестнице,
в остальном же совершенно не
считает ни с указаниями бра-
тей, ни с моими просьбами и
наказаниями. Вообще, он уже с

1930г.

с неделю, как считает себя вполне здоровым (!) и повидимому не имеет даже ни малейшего намерения выйти из своего хронически-инвалидного состояния. Или он воображает, что это будет делаться как то само собой, помимо его личного участия. Проф. П., который является таким большим авторитетом и который подходит к больному не формально и не с трафаретными докторскими фразами, сказал, что Ваня должен в течение 4-6 месяцев очень за собой следить, исполнять все врачебные предписания и находиться под постоянным наблюдением врача - в результате полное восстановление сердечной деятельности (как у него было несколько лет тому назад, тогда он ее не расстроил) и зарубеж.

1930г.

Ваня туберкулезного процесса. По
 его мнению, если Ваня будет жить
 по предписанию, то его хватит на
 1-1½ года. Это мне мне делать?
 Ведь на мне большая доля ответ-
 ственности за его здоровье и жизнь.
 Какое насилие можно применить
 к взрослому человеку? А автори-
 тетов для него публичному не су-
 ществует. К моему большому
 огорчению проф. П. уехал уже. Ва-
 нино непослушание надо тща-
 тельно скрывать от других врачей само-
 тория, так как может выйти
 неприглядности и придется из само-
 тория уехать, а это было бы
 совсем плохо. Сейчас чувствует
 он себя хорошо, крови нет, только
 кашель.

Из писем Ш. А. и матери. - Кис

1930г.

скалодек. Вчера состоялась мой пер-
вый выход торжественным путем за
пределы второго этажа корпуса
санатории, где мы живем. Мы
с Олей слушали в столовой санатории
концерт Духовской. Сам концерт
не представлял из себя ничего осо-
бенного, но уже очень было приятно
вылезть из своей норы. Вверх мы
вниз по лестнице меня несли на
руках И. И. Приолов и А. В. Моткин.
В зале в первом ряду мне было
приготовлено особо удобное кресло.
Сегодня доктор разрешил раз в сут-
ки спускаться в сад уже самому,
но очень медленно ползти по лесен-
нице. Видишь, какой прогресс!

Вчера я уже сам спускался
вниз и тоже поднялся на лестниц-
цу путем оказания помощи.
Теперь мне разрешено немедленно

1930г.

прогулки в саду после ужина, когда не жарко. Вест же деня по преимуществу на веранде или в номере. Сегодня в Цехуду пригодила фотоаппарат и я снимался на веранде. Прими-наю основной уход пометатии. Занимаюч очень мало, куря также очень мало.

Вчера получил телеграфу о том, что выезд за границу разрешен также Оле и Црону.

Сегодня меня смотрел доктор и остался очень доволен сердцем.

Судя по старым рентгеноскимкам, он считает, что я сейчас в таком состоянии, как в феврале 1929г.

Приложил при сем фотоаппаратом: я снят на балконе, где пролежал около месяца.

Я очень беспокоюсь о деле с Институтом и отъезде за гра-

1930г.

нищу и просил достать билеты на 7, 8 или 9 сентября.

Мы выезжаем отсюда в 2⁰⁰ вечера и 8⁰⁰ будем в Москве, где и останемся на несколько дней, для устройства заграничных дел, если от меня не будет телеграммы о том, что кафедральные дела в Воздушном Институте требуют немедленного моего возвращения в Ленинград.

Привет из Москвы дошло в Ленинград 12⁰⁰ сентября, И.А. был снова тяжело болен до самого отъезда за границу в конце сентября, когда он чудом нервного подъема перешел в ванну прямо из кровати. Его сопровождали жена и дочь.

Телеграмма матери. Берлин.

1930г.

Gute Ankunft. Johann: gesund.
 Mame. Giessen. Markburgerstrasse,
 14.

Из писем Ш. А. к матери.
 Берлин. - Путешествие было бы ве-
 ликомлетно, если бы у Ирона не
 болело ухо. В Берлине сделал сам
 все, что было нужно. Здоров всем,
 Giessen. Вчера вечером нахо-
 нцу приехали в Giessen. Кварти-
 ру Schlesinger уже заранее нам
 приготовил: три очень уютные
 комнаты с балконом и трехэтаж-
 но лифтовой ходовой. Вчера вечером
 и сегодня утром был у Schlesin-
 ger'a. Он очень мил и внимате-
 лен. После завтра мне будет
 приготовлен особый кабинет для
 занятий в университете (здесь
 очевидно заниматься дома не при-

1930г.

269

нэ) Я совсем здоров. Зорюк очень
считатичный.

Вот узак приходит к концу вто-
рой деи нашего пребывания в Гёез-
сет'е. Устроились мы великолепно.
У нас есть пэдишо, которми мож-
но пользоваться. На иницином ша-
фу великолетней перменской каска.
У меня такое чувство, что, если
долго смотреть на эту каску, то
непрямемо делашисл нешучем. Шкв-
singer'a я уже видял три раза.
Он чрезвычайно любезен. Он счита-
ет, что моя теория функций от
подстановок и его аппарата. Родичт.
integral дадут решение всех вопро-
сов теории линейных дифференци-
альных уравнений. Таким образом
вероятно предстоит чрезвычайно
интересная совместная работа.
Я здоров, хотя сердце нешного да-

1930г. от себя губернатор. Собираюсь пойти к социалисту. (Успециалиста ш. ал. так и не дня, очевидно опасаясь требований его оставить работу и лечь в клинику.) Пришла поздравления по памятке рецепти.

Schlesinger очень заинтересован моим новым мануалом, который я написал в Кисловодске, и требует его для печати в "Mathematische Zeitschrift."

Я стал губернатор себе хуже и хуже с одичкой и по рекомендации Schlesinger'a пригласил доктора, очень симпатичного старого коша.

Он нашел тибетит и уложил в постель. Это было для три толкунозд. Сегодня мне уже гораздо лучше и ночью я стал без задыханий, так что в основе у меня настроение очень хорошее. С 26го по

1930г. по 28^е октября в Гена состоялся
какой то математический съезд
немецких математиков. Schlesinger
дег очень советует мне туда поехать
познакомиться с рядом людей. Не
знаю, как будет со здоровьем.

Первое время по приезде в Гис-
сен я вел себя действительно не
особенно осторожно, но с тех пор,
как я поступил в распоряжение на-
шего домашнего врача, дело пошло
своим путем. На будущей неделе он
собирается наконец выпустить меня
на улицу. Климаат считается здесь
очень хорошим. Сейчас стоит теп-
лая осень и много цветов. Schle-
singer'a я совершенно уже не видел,
так как у него бол-
нел нога и он вообще не выходит
из дома. Он просил Ольгу Заватию
сведенил о моем здоровье и при-

1930г.

силает и нам всю дощ за информацией. Запретил мне заниматься, пока я болен и прислал для развлечения пачку французских романов. (Приложил портрет Шклевингер'а карандашом en face и в профиль, ~~я~~ с припиской: "не удачно".

Моя поездка в Тена вероятно не состоится, так как сегодня доктор сказал, что он собирается выпустить меня на улицу через две недели. Вообще я сердцем не доволен, но доктор уверяет, что оно много лучше и, при соблюдении режима, придет в порядок. Занимания ежедневны и работа идет хорошо. Малым делом, что не имею возможности видеться со Шклевингер'ом. Я все еще не совсем доволен

1930г.

сердцем, малейшее движение или напряжение вызывает неприятную одышку. Доктор сегодня сократил часть моего пребывания вне постели и прописал дигиталис в новом виде. Он смотрит на болезнь все-таки оптимистически и считает, что уже через три недели я буду в себе. Сегодня приковывая ко мне Schlegel, это стоило ему больших трудов. Он нашел новые решенные задачи Вейтман'а и предложил мне его рассказать. Решение по моему чуть менее (точно или наоборот) жестокости, но если бы так доволен сам собой, это мне не хотелось его опаргани и разговаривать. Сегодня же он передал мне официальные предложения, которые предлагаются в Gießen'ском уни-верситете в Sommersemester'e (ай-

1930г.

рем-ионы) курс лекций по своей теории.

Мои дела как будто лучше. Док. тор сказал сегодня, что, если я еще на две недели продолжу Lieder-киг, то за тем смогу браться по поводу, сколько угодно. (Разумеется, "keine Wege steigen" но ведь это мне и не нужно.) Наверное терпелив и буду две недели писать, леза.

Ничего сейчас только откровенно, так как сегодня много занимался и чувствую себя несколько уставшим. Относительно ТВС (туберкулеза) результат категорически отрицательный. Сердце значительно лучше, но всё таки надо доканчивать Liederкиг и я всё еще лезу. Работа идет хорошо, только очень много утомительна.

1930 г. нит вычисления, часть которых делал
эт Оил.

Вчера доктор нашел, что сердце
значительно лучше и разрешил
встать с постели.

Я уже временно встал с
постели и хуже себя от этого не
чувствую. Третьего дня меня опять
навестил Schwesinger. Оба раза он
советовался со мною по поводу своего
мемуара. Просил меня сделать до-
клад в здешнем Математическом
Обществе в конце ноября, но я боюсь,
что мне еще трудно будет делать
и прямо говорить и передвигать
доклад на конец декабря. В то же
время я уже наверняка буду в
тринадцатый съездом.

Вчера дни доктор и остался
еще чувствует моим сердцем.
Разрешил выходить на улицу и

1930г. Я не много прошелся по Магбург-
 -straße, а сегодня был у Schlozinger'a.
 (это не много больше, чем от нас
 до Вилли и Большого парка.) Все
 это без всяких неприятных ощу-
 щений и без одышки. Вообще на лицо
 целый ряд симптомов выздоровления.
 Впрочем, я разумеется буду очень
 осторожен, лишнее ходить не буду,
 буду преимущественно все, что мож-
 но, делать лежа и т.д. Schlozinger
 всё советуется со мной по поводу
 моего лечения. Помню, я по-
 сол, что он хотел дать Актилици-
 ное решение задачи Виетта'а,
 иначе, чем у меня. Все предвори-
 тельные рассуждения у него вы-
 ходят хорошо, но окончательный
 результат не получается и, по-
 видимому, получить не может.
 Боюсь, что это овергает старика.

1930г.

У меня работа идет хорошо, но тормозят длинные и сложные вычисления.

Мое сердце совсем хорошо. В четверг был у Sebesingera. Он опять советовал со мной по поводу своего мемуара. Кроме предвостановленных рассуждений, соответствующих решению так называемой задачи Hilbert'a, у него ничего не выходит и он решил отказаться от классической задачи Вейтманна. Решение задачи Hilbert'a у него действительно лучше существующих раньше и я советовал ему позвонить его отдельно, что он и ~~он~~ делает. Меня это ни в какой степени не затрагивает, так как я шел совсем иным путем и решил задачу Вейтманна, совершенно не касаясь задачи Hilbert'a.

1930г.

В пятницу, согласно местным нравам, Schlesinger, Герст (тоже здешний профессор математики), Декан факультета и я два часа заседали в кафе "Амет" приятно беседовали. (Мы с Schlesinger'ом пили Kaffee-Nig-Koffeinfrei). Ты, умоляешь "меня не переубеждать, но это очень трудно исполнить, так как 13го декабря я должен делать доклад в здешнем математическом обществе и, кроме того, торжонем с первой частью мемюара для Stoll's Journal. Для меня делают исключение: обычно мемюары лежат в редакции по два года, а мой будет напечатан в ближайшем номере, что для меня очень хорошо. Впрочем, последние два дня я ничего не делал, так как одолевает бессонница.

1930г.

279

У меня последний раз доктор
был третьего дня. Остался мною
доволен и сказал, что я могу уже
перейти на нормальный режим.
Все же я еще конечно буду очень осту-
ржен. Сердце весьма прилично, но
продолжительная бессонница не проходит.
Хотя сейчас я в несколько возбужден-
ном состоянии, так как третьего
дня я мне пришла в голову великая
мысль, что весьма кстати для ме-
нудра и для Vogt's. Обучение с Schlo-
singel'ом дает конечно много и мне
и ему (кажется, не меньше). Завтра
мы с ним едем (у него наш новый
автомобиль) на заседание местного
Математического Общества, причем
в повестке сказано: "Nach dem Vog-
t's zwangloses Treffen im Hotel
Schütz." — Для отдыха я читаю
"Преступление и наказание" по не-

1930г.

280

мужки и „Gießener Anzeiger.“

Postkarte любимому коту. (На-
писано очевидно с намерением посме-
шить мать) Дорогой кисенка, мы
очень рады, что ты заказал свой
портрет и увидишь его с нетерпе-
нием. Мы решили отправить те-
бе все открытки, которые здесь
дают в виде бесплатного приложе-
ния для рекламы. Так ты будешь
иметь почти полдюжины предствле-
ние о Германской культуре. На-
дняк вышлем тебе новую книгу:

„The phylosophy of cats.“

Сердце работает прилично. Было
лучше. Волепатило продолжалось.

„Великие мысли“, о которых я
тебе писал кажется прошедшим раз,
приняли вполне реальную форму
и я получил новые хорошие резуль-
таты, составляющие „серьез веден.“

1930г.

ten der Fortschritt." Schlesinger посо-
ветовал мне написать ноту в "Comptes
Rendus," что я и сделал. Мемуар
движется параллельно и будет готов
к концу декабря. Моя работа - это
дальнейшее развитие моей теории
дифференциальных уравнений и пред-
назначена для Stelle's Journal.

Твои страхи напрасны: стало
я теперь гораздо лучше и чувствую
себя совсем хорошо. Доктор был мно-
да действительно в последний раз и
просил вызвать его только, если бу-
дет ухудшение. Ухудшения не было
и его не вызывали. Все лекарства
(в частности дигиталис) давно оста-
влены и никаких особенных предпи-
саний относительно режима нет.
Даже относительно сна после обеда
доктор сказал, что его можно заме-
нить дремотой в кресле с сигарой

1930г.

в зубак. Впрочем, я всё таки
 после обеда два часа сплю, лежу и
 без сигары. Сегодня был у Schlesinger'a.
 Странили планы о том, что
 мы будем делать, когда я окончу
 свой мемуар, а он свой. Schlesinger
 предлагает мне писать совместно
 большой Напвиск по дюрреренциаль-
 ным уравнениям, где бы полностью
 и, так сказать, в каноническом и
 объединенном виде были бы изложе-
 ны соответствующие теории. Этот
 Напвиск должен заменить уста-
 ревший Schlesinger'овский Напвиск,
 изд. в 1895г. (В 3-х томах, около
 1800 стр.!) Я конечно согласился.
 Очень благодарю Т. за великолепный
 портрет кисельки. Он стоит на
 моем письменном столе рядом с
 картошкой Wagner'a.

Zuletzt sehr wohl. Эти дни

1930г. предстоит много работы, так как
13го май доклад.

Не писал тебе немного больше объ-
емного, так как все эти дни
был очень занят предстоящим завтра
докладом. На нем будут математи-
ки из Frankfurt'a и из Marburg'a
и даже один (Haupt) придет из
Hamburg'a. Schlesinger категорически
встретил мне зигмат, он повторил,
что я совершенно свободно могу "frei
sprechen" ~~на немецком диалекте~~
Оно конечно верно, что зигмат доклад
только, но два часа frei sprechen на
немецком диалекте вещь довольно удо-
вительная. Вместо обычных "плаксивых"
с формулами, которые всегда перед
докладом "напевала" Оля, завтра
будут ризданн всем присутствую-
щим особа отпечатанные на сей елу-
тач листки с моими формулами.

1930г.

284

После доклада, конечно, "zwangloses
Treffen im Hotel Schutz". — С.
Бессонницей у меня лучше. Сегодня
наприммер хорошо спал, последовав
совету д-ра П., перед сном посидеть
у открытого окна. Надо сказать,
что здесь у меня все таки много
дела и при том такого, которое
требует гораздо большего напряже-
ния, чем чтение лекций, как это
было в Ленинграде. Иногда и хо-
телось бы просто отдохнуть, да
нельзя отказываться от разных
предложений (лекций, докладов, ме-
жуаров и т.д.) Попробую пока
воздержаться от "сонной гонимости",
в случае же крайней надоб-
ности разрешается ее заказу. Здесь
к Рождеству принято делать по-
дарки, так что Schlesinger посо-
ветовал нам сделать подарки ле-

1930г.

жившим меня и Урона докторам. Вследствие этого самому Schlesinger'у и его жене для делаюта очень красивые Handarbeit'и, которые и будут отправлены им 24^м и 5-ти часам дня (надо обязательно так!)

Мой Vortrag 18^м прошел очень хорошо. Я говорил 1 1/2 часа, потом задавали вопросы и Schlesinger про-славил меня особой речью. За ужином в Hotel Schutz я познакомился каким то здешним Боржомом. В феврале пред-стоит еще один Vortrag. Я не рас-крывал портфёля и все время гово-рил „frei," не пользуясь ни одной бумажкой. Это меня очень радует, так как с лекциями также значим будет благодарно. Сейчас закончил работу по окончанию первой части мемуара для Stelle's Journal. Schle- singer приходит в восторг от коми-

1930г.

Дой новой мелочи и щедрой рукой подсчитает новые задачи, которые должны хорошо решаться моим методом. Правда не знаю, как справиться со всей этой горой материала к Рождеству. С бессонницей поэти хорошо, только поздно засыпаю, но зато поздно и встаю, так что сегодня темноватый звонок Schlosinger'a в 11 часов утра застал меня еще в постели.

Сегодня я получила письмо очень любезное от Надатад'a. Это факт весьма замечательный, так как обычно Надатад и на вопросы не удостоивает ответа. Он приглашает меня в Париж и пишет между прочим: "Je serai particulièrement heureux, si lors de votre visite vous vouliez nous réunir au Collège de France vos travaux

1930г.

287

sur les problèmes de Riemann et de Poincaré. Il y a déjà pas mal de temps que j'ai le désir de les faire connaître à mes auditeurs." - Вспомни из спешки в работе никак не могу, к сожалению. Как всегда у меня одно навертывается на другое. Предстоит теперь: на днях давать первый мемюар в печать, готовиться к Vortragу здесь в фрейле, к докладом в Париже, давать второй мемюар к Пюсте, готовиться к лекциям в здешнем университете, которые будут в Sommersemester (май-июнь). Сегодня нас очень тронули наши хозяева. В 5 часов дня раздаются ежу и в двери, появляется хозяин с сумкой и вносят разукрашенную ёлку со свечами. Под ёлкой раскладываются подарки: Оле - коробка конфират, мне - коробка папирос, Урону ~~коробка~~ е

1930-
1931г.

разноцветным пластилином. Она также положила в квартире хозяев под ёлку *Handarbeit* для хозяйки, а вот Herr Direktor с елкой остались без подарков от нас. Вышло неловко. От Schewinger'a мы также получили большой пакет с разными праздничными сладостями и в свою очередь отправили нашим дары. Как всё это конечно у немцев!

1931 год.

Из писем Ш.В. матери. Gießen.

Вчера немцы праздновали свой *Silvester Feiertag* и мы также, как подобает гостиним немцам, были в кино на фильме из Шерлока Холмса. Новый год встречали дома.

Вчера отправила вторую ноту в „Comptes Rendus“. Морвал моя нота уже напечатана 8го декабря

1931г.

(я послал ее в Париж 3го декабря!), хотя иттиски еще не пришли. Несколько дней тому назад получила письмо от Jones'a, где он сообщает, что Rockefeller Foundation дозволяет мне поездку в Париж для докладов в College de France без перерыва в платеже стипендии. (По ит правилам велкал мал отпущка из Giesse'n'a сопровождается прекращением платежа стипендии впредь до возвращения.) Теперь вопрос в разрешении советского правительства в Берлине. Я туда уже написал и пладало, что с ит стороны препятствий быть не может. - С количеством моей работы действительно катастрофично. Вот мой календарь: январь - едага первого ме-мдара в Belle's Journal; февраль - второй доклад в университете; март - доклады в Париже; апрель - едага вто-

1931г.

рого мануара в Stelle's Journal;
май-июль-лекции в университете
здесь. С августа писание над Найд-
вьер'а со Schlesinger'ом. Это тут
можно делать! Какнибудь выверусь!

Вчера целый день провел в
Marburg'e, куда меня пригласили
в университет на математическое
заседание. Меня приняли очень
мило и показывали остроты.
На горю меня возили в автомобиле,
(обратно пешком!) В общей слож-
ности я довольно много ходил,
но результат получился отличный -
стал очень хорошим. Вчера и сегодня
первые морозные дни, но здесь все-
еще мороз принято игнорировать
и почти все ходят в осенних паль-
то, а так же.

О сердце, дыхании и т.п. не пи-
шу ничего, так как все это в

1931г.

относительно приличном состоянии, приблизительно так, как это было до моего заболевания прошлой зимой.

Со мной случилось маленькая неприятность. В воскресенье 19го поднялась температура до 39. Сейчас же прибыл доктор и констатировал маленький приступ. Шея уже много лучше. Сегодня температура нормальная. Доктор думает, что через несколько дней все ликвидируется, но все же пока держит меня в постели. За эти дни я совсем отдала от научных занятий и чувствую себя гораздо слабее.

Сегодня в последний раз был доктор, объявил, что я здорова и в понедельник разрешил выйти на воздух. Таким образом, на этот раз моя болезнь обходилась скоро

1931/2.

и благополучно. Для физически
здорового человека мои планы по
моему не выйдут из пределов есте-
ственной изменчивости обычной
работы. Для меня лично это не-
сколько труднее и не из-за болезни
сердца или легких, а из-за неко-
торого нервного переутомления, ко-
торое накопилось в результате
непрерывной работы в течение ря-
да лет. Я с удовольствием отдох-
нул бы полгода или год, но, к со-
жалению, сейчас пожить на лаврах
~~еще~~^{еще} рано, да и вряд ли я сумел
бы это сделать. Вернее всего,
это через две недели отдыха бы вер-
нулся к своей работе. Сейчас я
сообразил, в чем суть: плохо не
то, что я работаю и нервничаю
собственно не сама работа (я су-
мел бы и отдохнуть, работая), а

1931г.

раздражает обстановка работы, при которой я чувствую, что от меня постоянно что то требуют, чего то ждут и надо быть очень осторожным, чтобы не ограничиться удовлетворением этих требований и ожиданий, а делать также и настоящее свое дело. Вот, если бы не было этих условий и можно было бы работать спокойно, без всяких сроков, я бы чувствовал себя совсем хорошо. — Она держит меня в строгости и поругивает, что бы не поводило было. Мои предрешения следующие: 1) курение ($\frac{3}{4}$ коробки в день), 2) неистовые предписания доктора гулять $\frac{1}{2}$ часа в день, 3) иногда пересидывание в кресле и позднее ложение спать. Первое - мол старая слабость и в теперешней экзотра-нервной обстановке.

новые трудно от нее отучатся,
Вторые обзуются исполнять с поне-
дельника. Третье происходит так-
же от стешки. Относительно Ва-
кейт'а (известный сердечный курорт
Близь Тиссена) доктор все на на-
стаивает, поэтому я и не закри-
сировал его в календаре. Если же
выдешител, что он необходим, то
придется проделати курс лечения
в августе, после окончания летнего
семестра в университете. Но по-
воду палто не беспокойся. Дешен
вообще странний пород: здесь от
дождя не промокаешь и от мороза
не мерзнешь. Она открываются
без всяких предосторожностей и
я часто нюхало свежий воздух у
открытого окна без палто на сон
продуший. И простуды никакой не
получается. (А рторот: у меня был

вообще не критик, а обычное застойное
явление в лекциях, как объявил док-
тор.)

Очень порадовала ты меня сообще-
нием известием об изобретении в телеграм-
корреспонденции. Это разумеется
всегда важный для меня этап.

Schlesinger меня горячо поздравил
и передал по телефону университет-
скому декану о моем новом "сигне".
Сейчас я опять совсем здоров и мно-
го пишу. С завтрашнего дня начну
то не многу готовиться к Парижским
докладам. Собираюсь в Париж в
начале марта недели на две.

Эти дни очень устал и трудно
писать подробно. Спешка перед
Парижем. Мне очень нравятся
стихотворения, которые ты мне
прислала (Guillaume, Vers d'un philosophe,
В особенности "Illusions fécondes".

1931/2.

(" Pour pouvoir quelque chose, il faut toujours vouloir ~~plus~~ plus ce qu'on ne peut ") Как это верно! И L'idée. (А сент qui t'ont donné leur vie ne mesure pas tes clartés. ! ") По поводу Nauheim'a я абсолютно никакого доверия на доктора не оказываю. Это его собственное мнение. Впрочем раньше августа я поехать в Nauheim не могу, так что еще много времени думать на эту тему. Вопрос о моей научной работе, который ты затрагиваешь, очень сложен. Напишу по этому поводу как следует другой раз.

Февраль 22.

У нас опять скучная атмосфера. Несколько дней тому назад у меня появились прыщи (вечером на большом количестве). Они решили, что наш доктор не достаточно

1931г.

утом и слишком снисходительны
и пригласила другого доктора из
сердечной клиники. Он нашел сердце
уже "völlig diskompensiert" и уло-
жил меня в Беттан, где я и пре-
бываю все эти дни. Доктор счита-
ет возможным привести сердце
в состояние полной компенсации,
но при соблюдении надлежащего
режима. Сие создает два конфлик-
та: 1) курительный, 2) Парижский.
По распоряжению доктора я через два
дня должен бросить курить. Вме-
сте с этим придется на несколь-
ко дней бросить и работу, так как
писать без папиросок очень трудно.
А время такое горячее! Далее в
начале марта доктор решительно
встречает поездку в Париж. Се-
годня написан Надатагд'у о передаче
моих докладов на конец марта или

1931г.

на апрель. Здесь могут возникнуть недоразумения с концом семестра и Пасхой и вообще очень не приятно. Точно обещано доклад в Париже и не знаю, это будут именно доклады, а не лекции. Лекции в Сорбонне могут состояться только осенью, так как сейчас слишком мало времени до конца весеннего семестра, а летний у меня закончен в Гейдене. Он так же собирается едет летом в Париж, боится отпустить меня одного, так как французы предста- вляют большую опасность. Со Schlesinger'ом мы видимся, когда оба здоровы, приблизительно два раза в неделю и всё время делаем друг друга в курсе наших работ. Это весьма полезно для нас обоих. - У меня на столе сто- ят подквертитки, которые се-

1931г.

подня уже наша всаду Ирон.

Я лежу-полезиваю, лежуар
пописываю. В Париже поеду не рань-
ше 23го марта, а возможно и ван-
рель: доктор настаивает на двух-
месячном Liebeckig'e. Крови очень
мало, вероятно, на днях совсем пре-
исратител. У меня уже почти
закончена целая новая теория.

Март 1

Последнее. Дорогая мамочка, эта
открытка етца, чтобы ты не бес-
покоилась о моей болезни. Вчера был
доктор и остался очень доволен. Крови
больше нет. Стахил оброчи,
обострение прошло благополучно.
Но я все таки еще долго буду лежать
в постели, чтобы добиться устой-
чивой компенсации. Получил от
Надежды'а очень любезное письмо,
в котором он сообщает, что я мо-

1931/2.

200

пу делать мой доклад и ватрел
после 14²⁰ (до 14²⁰ таксальный перерыв)
Таким образом, я без всякого ущерба
могу поехать в Париж в 20-х чис-
лах апреля. Кроме того, получил
сегодня из университета в Жена
предложение сделать там свои
Vortrag'e в Sommersemester'e. На-
деюсь, что это удастся в интерва-
ла между лекциями в здешнем
университете (от Giessen'a до
Жена полдня езды). В августе
вероятно кї такси поеду в Ман-
кейт, так как новый доктор счи-
тает ее нужными. (Домашне о
перешене и вартирн). Завтра со-
бирается посетить меня Schlesin-
ger. Так как обострение прошло,
пока открыток едїе больше и
будет. Крепко целую.

(Получено 8го марта)

1931г.

С 5го марта наступило в сердце
резкое ухудшение, приведшее к кон-
цу.

Март 15

Телеграмма от О.А. Лопух-Дами-
левской матери. Wanjа Sonntag
19 Uhr 35 gestoben. Olga.

Последние слова за десять
минут до конца: "Я так устал,
так устал, это больше не могу."

(На обор.)

1931/2.

302

Копия с письма Глеба
Парижской Академии Наук Ж. На-
дарад'а Олле Александровичу Ломо-
носовской.

Collège de France
Paris, le 31 octobre 1931.

La science a fait en Lappo-
danilevski une perte que nous
ressentons tous profondément. Son
oeuvre a transformé l'un des cha-
pitres les plus importants et les
plus mystérieux de la Théorie des
équations différentielles algébriques
et de la Théorie des fonctions ana-
lytiques. Le double problème au-
quel il s'est particulièrement at-
taqué - problème de Riemann et
surtout problème de Poincaré avait
certes, été éclairé par les travaux

1931e.

De notre grand Poincaré lui même et par ceur de M. Hilbert. Mais comme il arrive souvent dans les problèmes hautement difficiles que se pose l'analyse moderne, on avait du se contenter de démontrer ainsi l'existence de la solution plutôt que de la former véritablement.

Quand à une expression complète, explicite de cette solution non seulement on a été fort loin de l'obtenir, mais il semblait impossible qu'elle existât sous une forme qui nous fût accessible. C'est elle cependant que Lappo-Damilevski a pu constituer par de nouvelles méthodes analytiques dont l'invention et la mise au point sont le fait ~~est le fait~~ d'un géomètre consommé. Un pareil résultat conduit à envisager sous un jour entière-

1931.

rement nouveau non seulement le double problème ainsi résolu, mais dans son entier, le grandiose chapitre de la science auquel il appartient.

A ce titre non seulement il met en évidence l'admirable talent de son auteur, mais il est certainement fécond en progrès considérables pour l'avenir. On doit à jamais regretter qu'une mort cruellement prématurée ait empêché Lappo-Danilevski d'en poursuivre lui même les premières et importantes ~~conséquences~~ conséquences.

Подпись: J. Hadamard. Membre de l'Académie des sciences de Paris.

1931г.

Перевод

705

Наука понесла в лице Лапун-Данилевского потерю, которую мы все глубоко чувствуем. Это труд произвел переворот в одной из самых важных и таинственных глав Теории дифференциальных алгебраических уравнений и Теории аналитических функций. Двойная проблема, над которой он главным образом работал, проблема Вейерштрасса и особенно проблема Гойнсаге, была, конечно, освещена трудами одного нашего великого Гойнсаге и Hilbert'a. Но, как часто случается с проблемами особой трудности, которые ставят себе современники Анализ, трудно было удовлетворяться доказательством существования решения, без ~~возможности~~ возможности действительно

1931г.

найти его. Это же касается полного и точного выражения этого решения, то, не только оно было еще очень далеко от нас, но казалось невозможным, чтобы оно существовало в доступной нам форме. Лапто-Данилевский дал однако это решение новыми аналитическими методами, создание и применение которых может быть делом только современного математика. Такой результат дает возможность рассмотреть в совершенно новом свете не только упомянутую двойную проблему, но весь обширный отдел науки, к которому она принадлежит в его целом.

С такой точки зрения этот результат не только открывает изумительный талант автора, но он конечно имеет значение для

1931г. Будущего. Нужно бесконечно сожалеть
о том, что вместо-преждевремен-
ной смерти помешала Лопух-Дани-
левскому самому продолжить свои ис-
следования.

